

Светлой памяти
Александра
Трифоновича
Твардовского

«Моя единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России».
(А. СОЛЖЕНИЦЫН — приславшим поздравления к пятидесятилетию)

ГЛАВА I ПРИЗНАНИЕ

«Главную радость «признания» я пережил в декабре прошлого года, когда Вы оценили «Денисовича» бессонной ночью. После этого остальные похвалы не были для меня переклещивающими».
(Из письма А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА А. Т. Твардовскому от 12.11.62)

Октябрь 1961 года, XXII съезд партии... В те дни мне пришлось съездить в поселок Шилово Рязанской области. Вместе с преподавательницей основ марксизма-ленинизма я должна была консультировать там студентов-заочников нашего сельскохозяйственного института. Мы приехали в Шилово накануне, поэтому были свободны и долго гуляли под вечер. Из громкоговорителя на всю округу неслись речи делегатов съезда. На небе светились какие-то

Передать повесть Твардовскому Александр Исаевич решил через Копелева, дружба с которым началась еще в Марфинском лагере. Жена Копелева собиралась отнести в «Новый мир» повесть Л. Чуковской «Софья Петровна» и согласилась передать «Щ-854». Перед тем как отдать повесть Твардовскому, А. Берзер, редактор отдела прозы, попросила зашедшего в редакцию Копелева поставить на рукописи хоть вымышленную фамилию автора. Недолго думая, тот написал: А. Рязанский. Берзер принесла Твардовскому сразу обе рукописи. Александр Трифонович согласился взять лишь одну из них. Берзер кратко охарактеризовала повесть.

— Ну, давайте ту, где заключенный с увлечением работает! — решительно выбрал Твардовский.

Начал он читать следующим вечером уже лежа в постели. Но скоро встал, сел к столу и прочел ее взахлеб к половине пятого утра. Кто автор этой удивительной вещи? Фамилия Рязанский ни о чем не говорила. У кого узнавать? В девятом часу утра Твардовский позвонил Берзер. Той лишь известно, что автора знает Копелев. Александр Трифонович звонит ему. Узнает, что автор повести — учитель из Рязани и друг Копелева.

— Вы должны гордиться таким другом. Ничего подобного давно не читал. Хороший, чистый, большой талант. Ни капли фальши...

Твардовский недоумевает, как Копелев мог быть у него несколько дней назад, хлопоча о сборнике «Русские страницы», и ничего не сказать о повести?! Нам-то это не показалось странным. Мы хорошо помнили первое впечатление Копелева: «Щ-854» — типичная производственная повесть в духе соцреализма».

Придя из института, я увидела на письменном столе мужа телеграмму. Прочла и... задохнулась. «Тихое житье», как называл муж годы, прожитые в Рязани, разом кончилось. Мы стояли у порога неизвестной жизни. Счастье захлестнуло нас. Я то и дело вытирала слезы. Дня за два до этой телеграм-

вым. Редакция помещалась тогда в самом начале улицы Чехова, рядом с Пушкинской площадью. Александру Исаевичу понравился особняк с крутой парадной лестницей, с переходящими одна в другую комнатами. Копелев представил Солженицына Кондратовичу, Озеровой, Берзер... Кондратович сразу же спросил:

— Что у вас есть еще?..

Александр Исаевич уклонился от прямого ответа:

— Давайте сначала решим с тем, что в редакции...

В начале второго приехал Твардовский, прямо с заседания Комитета по Ленинским премиям. Пожимая руку Солженицыну, сказал обычное приветствие, но как-то очень серьезно, как бы вкладывая в слова особое значение:

— Здравствуйте, Александр Исаевич!

Кабинет главного редактора — большая неизолированная комната. Письменный стол — в стороне, у окна. Посредине — старинный, с закругленными углами. За ним и проходила беседа. Твардовский и Солженицын — друг против друга; по бокам — остальные. Начал Твардовский:

— Вы написали отличную вещь. Не знаю, в каких школах вы учились, но пришли к нам совершенно сформировавшимся писателем. Нам не приходится вас ни учить, ни воспитывать. Избрана малая форма, в этом — опытный художник. Описан один день, но о тюрьме все сказано. Удачен выбор героя: не Цезарь, например. Эта вещь в известном смысле выше «Мертвого дома»: там народ дан глазами интеллигента, здесь же интеллигенция дана глазами народа. День выбран настолько рядовой, что даже бани нет. Всех людей представляешь и на фронте, и на сибирских стройках. Кавторанга жалко, даже Фетюков вызывает сочувствие. Важно, что нет ужасов.

Твардовский выразил удивление, что у Солженицына, южанина, такой сочный язык. В разговор вступили и другие. Все члены редакции поразились, что повесть, как выяснилось, написана не сейчас.

— Тем ценнее: выдержанная вещь. — заключил главный редактор.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Наталья РЕШЕТОВСКАЯ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ

За работой. 1963 г.

удивительные розовые столбы. Это к нам, в среднюю полосу России, пришло северное сияние.

В номере гостиницы мы оказались вдвоем. Уединение располагало к откровенности. Коллега с сожалением вспомнила времена, когда был жив Сталин и все верили ему, полагались на него: все было так ясно... Я молчала, верная привычке быть сдержанной в политических оценках. Долгое время эта сдержанность нужна была мне самой — жене политзаключенного. Теперь она нужна была нам с Александром Исаевичем, чтобы надежнее защитить его тайное творчество.

Все, что я слышала сейчас, было противоположно оценкам мужа. Я невольно сопоставляла эту разницу взглядов с впечатлением, которое произвел на мою сослуживицу Александр Исаевич. Я познакомилась с ним на вокзале, когда он провожал меня. «Какое умное лицо у вашего мужа!» — сказала она в поезде.

В «Известиях» печатались не все съездовские выступления. Александр Исаевич пошел в читальню и прочел речь Твардовского в «Правде». Вернулся очень возбужденным:

— Твардовский сказал, что писатели не использовали тех возможностей, которые открыл перед ними XX съезд партии. Что если ему дать «Щ»?

Александр Исаевич решил на это именно потому, что высоко ценил Твардовского не только как редактора, но и как писателя. Еще в сорок четвертом году муж писал мне с фронта, что ему попалась «первая правдивая (в моем духе) книжка о войне — «Василий Теркин». Вообще Твардовский — один из лучших (не лучший ли?) советских поэтов». С тех пор литературные вкусы мужа изменились во многом, но не в отношении Твардовского.

Александр Исаевич надеялся, что Александр Трифонович примет «Щ» и сердцем. Сам вышедший из крестьянской среды, Твардовский не мог не оценить выбора героя. Быть может, это же обстоятельство произведет впечатление и на Хрущева.

Прежде чем рассекретить повесть, Александр Исаевич уменьшил биографичность судеб отдельных персонажей, кое-что смягчил в политическом отношении, еще больше отшлифовал в литературном. Во время этого, уже четвертого, редактирования говорил мне, что у него появилось новое ощущение еще большей ответственности за художественную сторону произведения. Печатал он «Щ», как всегда, тесно, почти без полей, с обеих сторон листа. Фамилии автора на всякий случай не поставил. Никакой.

мы я купила поэму Твардовского «За далью даль». Теперь мы начали по вечерам читать ее. На титульном листе поставили дату — 9 декабря 1961 года. Муж нет-нет да и повторяет:

— Да... Забавно...

Послезавтра — день его рождения. Все происшедшее кажется подарком к нему. Но Александр Трифонович как будто поджидает именно этот день. 11 декабря, когда Александру Исаевичу исполнилось сорок три года, к нам одну за другой по ошибке почты принесли две совершенно одинаковые телеграммы: «Прошу возможно срочно приехать редакцию нового мира зпт расходы будут оплачены — Твардовский».

Александр Исаевич ответил, что приедет на следующий день. Ночь почти не спали. Сколько лет мы не позволяли себе мечтать... А теперь я дала волю фантазии. Неужели пришел конец тайному творчеству мужа, начатому еще в лагере, продолженному в годы ссылки, а потом в период пятилетнего «тихого житья»?.. Неужели пробили час, когда будет вознагражден подвиг человека, который ни разу не отложил пера, не имея никакой уверенности, что когда-нибудь увидит хоть одну строку свою напечатанной?.. Неужели пришел и конец нашей затворнической жизни?..

Такого взлета чувств не было у меня с поездки осенью пятьдесят шестого года в деревню Мильцево Владимирской области, где у Матрены Васильевны жил в то время вернувшийся из ссылки Александр Исаевич и где мы во второй раз соединили наши жизни.

Утренним семичасовым поездом муж уехал в Москву. А у меня, совсем нехвата, — открытая лекция по «полимерам». Это опустило на землю, ввело в привычное русло. Закрался сомнения: действительно ли изменится наша судьба? Ведь очень трудно будет вернуться к прежней жизни и по-прежнему ощущать ее счастьем. По дороге в институт загадала: если первым со мной поздоровается мужчина — у Сани все будет удачно! Первым поздоровался наш институтский дворник, милейший Павел Алексеевич, дядя Паша. Да не просто поздоровался, а, как редко кто в наши дни делает, снял шапку и низко поклонился. И все-таки не мираж ли это? Но нет, как бы ни сложилось, не отнимется, что «Щ-854» Твардовский читал всю ночь напролет, был восхищен ею: «Ничего подобного давно не читал. Хороший, чистый, большой талант!»

Вечером Александр Исаевич вернулся домой. Приехал какой-то даже растерянный. Молча вынул из чемоданчика и показал нам с мамой большой плотный лист, на котором значилось: ДОГОВОР. Я глазам не поверила. Без сил опустилась на стул, а слезы так и текли...

Вот что рассказал Александр Исаевич об этом дне... В «Новый мир» направился вместе с Копеле-

Здесь же, за «новомирским» столом, родилось окончательное название повести — «Один день Ивана Денисовича». Александр Трифонович расспросил автора о семье, работе, зарплате. Сумма в шестьдесят рублей произвела эффект! Александр Исаевич имел в школе минимальную нагрузку, давно считая писательство своим главным делом. Основные расходы по содержанию семьи покрывались моим доцентским заработком. Твардовский спросил, есть ли у Александра Исаевича еще что-нибудь законченное. Солженицын оставил ему некоторые из стихов, но предупредил, что считает себя прозаиком, а не поэтом. Стихи же писал в лагере потому, что их легче запомнить. Рассказал Александру Трифоновичу, как тот однажды «спас» его: во время «шмона» у з/к Щ-262 (так именовался Солженицын в Экибастузском лагере) нашли клочок бумажки со стихами о войне. Сказал, что это Твардовский. Поверили.

Оформление договора шло с «ракетной скоростью». Твардовский при этом хотел поставить высший гонорар, но его сдержали: первое произведение, пока — триста рублей за лист.

Муж привез домой отзывы заместителей Твардовского.

У Кондратовича: «Печально, что мы это, наверное, не сможем напечатать. Печально потому, что рассказ написан с такой силой правды, с таким тонким пониманием психологии простого человека, попавшего в бесчеловечные условия лагеря, потерявшего многие из естественных человеческих качеств и, несмотря ни на что, сохранившего многие, — что при чтении совершенно забываешь о какой-либо лигературе. И это не документальное произведение, а художественное, написанное точно, жестко, без малейшей фальши, с той ненавязчивостью художественного обобщения, когда слова «типично», «характерно» и пр. становятся звуком пустым, поскольку помимо всего есть здесь и индивидуальная судьба человека. Очень талантливо. Но как печатать?..»

У Дементьева: «Написано выше всех похвал. И веришь, что все правда. Но угол зрения: в лагере ужасно и за пределами лагеря (в жизни) все ужасно. Случай сложный. Не печатать — бояться правды, загонять ее в подполье, чтобы она распространилась из-под полы. Печатать — невозможно. Все же показывает жизнь с одного боку, невольно искажая и смещая перспективы. Не поможет, пожалуй, никакое предисловие или послесловие».

Словом, что повесть может быть напечатана, верил, вероятно, один Твардовский. Александру Исаевичу говорили в редакции, что не помнят, когда Александр Трифонович так хвалил кого-нибудь.

Пока редакция готовила немногие замечания по доработке «Ивана Денисовича», Александр Исаевич встречно готовил для «Нового мира» рассказ «Не стоит село без праведника», который в первой редакции был закончен раньше.

20/X-1989 г.
Солженицын Александр

63

Александр СОЛЖЕНИЦЫН и Наталья РЕШЕТОВСКАЯ. Летом на Каме. 1962 г.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН с выпускниками рязанской школы имени Н. К. Крупской.

— Это не может не понравиться Трифоновичу! — говорил он убежденно.

В тот год зима была ранней. Еще в конце ноября выпал обильный снег. По вечерам мы частенько становились на лыжи и отправлялись в любимый квадратный сквер, где бегали по лыжням, проложенным вдоль его сторон. Александр Исаевич делал обычно пять-шесть кругов, а я три-четыре. Если никого, кроме нас, не было — мы любили двигаться в противоположных направлениях. Встречаясь, перебрасывались мыслями и снова разъезжались. В те часы особенно ясно думалось.

Именно в одно из таких катаний родилось окончательное название романа, заменив рабочее — «Шарашка». Прежнее — «В первом круге ада» — его не удовлетворяло. В то время он думал, как бы его заменить. Думала над этим и я. И вот, когда мы в очередной раз встретились, я остановила мужа и, положив ему обе руки на плечи, очень уверенно сказала: — Я знаю, как назвать роман. Ты примешь.

— Так уж и приму? — ласково-недоверчиво спросил Саня.

— В круге первом.

Под этим заглавием и узнают читатели роман.

Вечерние катания на лыжах освежали нас: возвращались румяные, довольные, обеспечив себе крепкий сон. Мы не раз говорили, как хорошо было б жить возле самого сквера, и даже фантазировали, в каком из окружающих домов хотели бы поселиться.

В свой последний свободный вторник, 26 декабря, муж снова поехал в «Новый мир». На этот раз отвез туда «Матрену», а назад привез стихи, которые Твардовский вернул через секретаря: не понравились. Такая же участь ждет и «Крохотки», которые Александр Трифонович воспримет как «заготовки к будущим произведениям». И еще кое-что забракует, ибо его твердое убеждение: ничто из последующих произведений Солженицына не должно уступать «Ивану Денисовичу»!

ГЛАВА II

ПРЕДДВЕРИЕ

«От Александра Трифоновича зависит далеко не все, но все, что от него зависит, он сделает. Итак, будем ждать».

(Из письма А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
На Zubовым от 18.01.62)

После вторичного посещения «Нового мира» Александр Исаевич окончательно поверил: все, что произошло в Москве, отнюдь не сказка. Потому, возвращаясь домой, решил порадовать друзей по ссылке и самых первых читателей его послелагерных произведений — Елену Александровну и Николая Ивановича Zubовых, живших теперь в Крыму. Он пишет им письмо, пронизанное милым юмором, который важен еще и потому, что муж за многие годы привык быть сдержанным в письмах: ведь когда-то из-за них его арестовали.

«Вас очень удивит, — писал он, — если я скажу, что (по стеснительности таясь даже от Вас) я немножко баловал литературой в свободное время, то есть имел дерзость пытаться писать. Так я написал некую повестушку «Один день Ивана Денисовича». И после XXII съезда мне показалось, что как раз самое время ее напечатать бы — и отправил в «Новый мир». Реакция превзошла самые радужные ожидания. Сочли, что я какой-то там самородок и будто бы даже никаких художественных исправлений они не находят. Все это меня удивило, как удивит и Вас. Может быть, Вам удастся эту вещицу когда-нибудь и прочесть (если ее напечатают). То есть редакция-то повесть мою приняла, заключила со мной договор на нее и в счет договора заплатила тысячу рублей (новыми), редакция намерена печатать — но

шансов на это немного, зависит не от нее. Вот такие новости, все это, конечно, меня выбило из колеи».

Оно и в самом деле было так. Не один Новый год встречали мы с мыслями о будущем лете, об очередных путешествиях. Но тут наши летние планы все расплылись и закачались. В этом не было ничего странного: вся жизнь, казалось, стала зависеть от судьбы повести.

Мы так много ждали от наступающего 1962 года, что невозможно было встречать его, как обычно, в тесном семейном кругу. Хотелось вырваться на простор, мчаться навстречу будущему!.. Разумеется, муж не мог в одной романтике найти оправдание для нашей поездки в Москву. Нашлось и дело: теперь, когда он вышел из «подполья», открыл себя как писателя лагерной темы, нужно было подумать о хранении рукописей еще где-то кроме дома. А потому с нами вместе поехал увесистый сундучок, который нашел пристанище у наших друзей Теушей.

В канун Нового года мы гуляли по Москве. Купили билеты на органный вечер. Зашли в магазин мужской одежды. И — о чудо! — Саня согласился купить новый костюм. Это было настоящим событием, особенно для меня!

Новый год мы встречали у Александры Александровны Поповой или просто Шуры — моей подруги времен аспирантуры. Александр Исаевич был в только что купленном сером костюме, а мы с Шурой как молодые: она — в розовом, я — в голубом. Александр Исаевич занимал нас пересказом романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», который ему удалось недавно прочесть. Слушали хорошую музыку. В новогодних тостах не обошли и «Ивана Денисовича».

Утром 1 января поехали к другу мужа по заключению — художнику С. М. Ивашеву-Мусатову, введенному в «Круге первом» под фамилией Кондрашев-Иванов. Побывали в его мастерской. Уже не в первый раз видел Александр Исаевич картины, написанные на воле, и не переставал надеяться, что Ивашев-Мусатов обратит свою кисть на то, через что прошли оба. Разве может что-либо сравниться с социальной несправедливостью?..

Однако Сергей Михайлович по-прежнему основной картиной, написанной в нескольких вариантах, считал «Отелло». Александр Исаевич решительно не понимал этого! Ведь образы Шекспира уже отражены в тысячах полотен. Как могут литературные образы, хотя бы и Шекспира, захватывать больше, чем вереницы живых заключенных, с которыми художник так долго делил тяготы жизни?..

Но Сергея Михайловича больше захватывают глубоко личные переживания человека. Он чувствует в Шекспире творческую мощь, которая максимально приближает к познанию ДОБРА и ЗЛА. Разве Отелло — ревнивец? Нет, трагедия Отелло в другом: обманутое доверие... Что же, в самом деле, страшнее — потеря доверия к обществу? Или к одному человеку, но — единственному? Чья рука сильнее бьет? Равнодушная рука закона? Или рука самая дорогая?..

Сразу после органныго вечера я уехала в Рязань, а муж остался на обсуждение рассказа «Не стоит село без праведника». Обсуждение состоялось в кабинете Твардовского. По мнению Александра Трифоновича, рассказ сходен с моральной прозой Толстого. И сходен в хорошем смысле: не влияние, не фразы, не почерк... Но все же это «чуть-чуть поживше «Ивана Денисовича». У автора — удивительно пылкий взгляд ко всему. Но уж до того не с парадной стороны все показано! Хоть бы один заходок с другой стороны! Все вокруг — вурдалаки. В Фаддее — нечто мистическое... Повествователь — симпатичный, не хвастается, не озлобленный, не потерявший интереса к жизни. Но слишком уж христианское отношение к ней. Религия имела слабое сдерживающее влияние, не следует преувеличивать... А в заключение добавил как бы и не совсем в шутку:

— Только не станьте идеологически выдержанным, прошу вас!

Александр Трифонович опасается, что напечатать «Матрену» будет еще труднее, чем «Ивана Денисовича».

Вся редакция «Нового мира» благоговела перед Александром Исаевичем. Одна женщина-редактор сказала ему: «Если бы для того, чтобы напечатать «Ивана Денисовича», мне пришлось пожертвовать карьерой — я бы пошла на это!»

Муж вернулся из Москвы с намерением долго туда не ездить, предоставив событиям идти своим чередом. Все заботы по продвижению «Одного дня» легли на Твардовского. Солженицын принялся за «последнюю», как он думал, редакцию «Круга первого». С января по апрель все свободное от школы время печатал роман на любимой машинке «Рене». Журнал его не тревожил. Казалось, дела в Москве замерли.

А «Иван Денисович» тем временем начал жить... В «Новом мире» повесть давали читать лишь избранным, всегда на предельно сжатый срок, и все же ее размножили. Об одном случае нам известно: распределенная между четырьмя энтузиастками, рукопись была перепечатана за одну ночь. Появилась и фотокопия, которая стала ходить по рукам. Пронесся слух, что повесть читают в «Малеевке», что кто-то выучил наизусть и декламирует целые страницы. Твардовский болезненно относился к возможной утечке рукописи из редакции, но сам же не мог сдержаться.

— Хотите верить, хотите нет — у меня лежит рукопись нового Гоголя, — говорил он Вере Пановой. А придя однажды к Виктору Некрасову, спросил: — Ты помнишь, как один великий писатель пришел к другому великому писателю по поводу рождения третьего великого писателя? Я шучу, конечно, потому что тебя великим не считаю. Но родился-таки великий писатель!

Александр Трифонович даже стал понемногу давать читать повесть. Отдыхая в Барвихе вместе с К. И. Чуковским, дал ему «Ивана Денисовича». Корней Иванович, прочитав, пришел к Твардовскому очень взволнованный и поздравил с рождением большого таланта. Интерес к повести, подогреваемый характеристиками Твардовского, все возрастал.

В конце апреля, закончив шестую редакцию «Круга», Александр Исаевич съездил в Москву, где узнал некоторые из новостей. После уговоров согласился дать «Один день» Эренбургу. Созволившись с его секретарем, зашел к ней (Эренбург оказался в отъезде) и был поражен, узнав, что повесть уже прочтена и понравилась. «Хорошо, что в повести нет никаких восклицательных знаков, даже имя Сталина не упоминается, — сказала секретарь. — Однако непонятно, почему написано не от лица интеллигента?»

Это недоумение было настолько распространенным, что Александр Исаевич решил раз и навсегда сформулировать ответ: «Конечно, проще и легче было бы написать об интеллигенте (и, наверно, сбиваясь на себя: «Какой я хороший и как я пострадал»). Но я решил на Шухова как на линию наибольшего сопротивления. Помогло мне в этом то обстоятельство, что, помещенный с Шуховым в те же условия, тот же бушлат, на те же работы, ничем для них, в их глазах, не отличимый от них (образовательный ценз роли не играл, скорее выглядел там цензом отрицательным, воспитание казалось безвозвратно потерянным) — я приобрел возможность почувствовать все так же, как и они. Эффект был тем более полным, что сроку не предвиделось конца. Это было «счастливое» преимущество наше перед писателями XIX века! Движимые великой любовью к «меньшому брату» и самопожертвованию, они часто не щадили себя, чтобы сблизиться с народом, — но полностью вступить в его шкуру все равно не могли: и мужики с недоверием чувствовали в них бар, и сами они, даже паша землю, не могли упустить из виду, что вот окончат работу, пойдут в чистый дом, помоются, сядут за хороший стол.

Вот я и решил воспользоваться преимуществом, данным судьбой!»

